

НН10АМОН М Е С М У А Р Ы П О Д Г Р И Ф О М 1902У501М9Н
0Е5789Н10У501М02Н0 < С Е К Р Е Т Н О > УТЕ03Г5789ННР563Г9789

АНДРЕЙ ПИНЧУК

ТАЙНАЯ ВОЙНА

ВО ГЛАВЕ МИНИСТЕРСТВА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ДНР

Андрей Пинчук

**Тайная война. Во
главе министерства
госбезопасности ДНР**

«Алгоритм»

2017

УДК 82-94
ББК 85.374

Пинчук А. Ю.

Тайная война. Во главе министерства госбезопасности ДНР
/ А. Ю. Пинчук — «Алгоритм», 2017

ISBN 978-5-906914-63-7

Андрей Пинчук приехал в Донецк в начале июля 2014 года, когда начался период наиболее трагических и ярких моментов в истории генерации ДНР. Был оставлен Славянск, украинские войска были уверены, что возьмут Донецк. Именно в этот период он начал создавать «с нуля» контур безопасности молодой Республики. И успешно справился с этой задачей. Так, в период его нахождения в должности министра, МГБ предотвратило три попытки государственного переворота. В марте 2015 года, после подписания перемирия между Украиной и ДНР, он добровольно сложил с себя полномочия министра госбезопасности и вернулся в Россию. О неизвестных подробностях тайной войны между спецслужбами ДНР и Украины, а так же о повседневной работе министра госбезопасности он честно и эмоционально ярко рассказал в своей книге.

УДК 82-94
ББК 85.374

ISBN 978-5-906914-63-7

© Пинчук А. Ю., 2017
© Алгоритм, 2017

Содержание

Предисловие	5
Путь Донбасса	6
Восхождение	6
Степ бай степ	10
Аэропорт как символ войны	13
От энтропии	20
Утверждение и «Боинг»	25
Военные советы и Стрелков	28
Решаю кадры	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Андрей Пинчук

Тайная война. Во главе министерства госбезопасности ДНР

Был, кажется, какой-то негласный лимит на сообщения из России – показывать начинали не то с трех, не то с четырех танков, ста убитых и что-то там еще.

В. Пелевин. «Generation П»

Мы постоянно пытаемся улучшить природу и приблизиться к идеалу, здесь и сейчас недоступному... Ощущая связь с такой необычной реальностью, мы утоляем глубинное свое желание. Это затрагивает потаенные струны, возносит нас за пределы себя, помогает обрести глубинный смысл жизни. Если мы не обретаем более такой опыт в церкви или храме, мы ищем его в искусстве, музыкальном концерте, сексе, наркотиках – или войне. На первый взгляд, странно, что война попадает в этот список. Но она – один из древнейших стимулов экстатического опыта.

К. Армстронг. «Поля крови. Религия и история насилия»

Слуги пошли к хозяину дома и сказали: Господин! Разве не пшеницу ты сеял на поле своем? Откуда же появились плевелы?

Враг это сделал, – ответил он им. Тогда слуги сказали: Ты хочешь, чтобы мы пошли и выпололи их?

Нет, – он ответил, – чтобы, выпалывая плевелы, не вырвали вы заодно и пшеницу, пусть вместе они растут до жатвы. А во время жатвы я скажу жнецам: выберите сперва плевелы и свяжите их пучками, чтобы сжечь, а пшеницу соберите в мои закрома.

Евангелие от Матфея, глава 13, стихи 27–30

Предисловие

- Это точно можно публиковать?
- А почему нет?

Путь Донбасса

Восхождение

– Ты смотри, на вид приличный мужчина, а террорист!

Мелкий сухощавый ополченец лет сорока, щурясь редкозубой усмешкой, смотрел на будущего первого вице-премьера Донецкой Народной Республики Владимира Антюфеева¹, в сумраке летнего вечера поправляющего автомат, съехавший с плеча безупречного пиджака на бегу от туалета придорожной заправки к одной из машин. В обычной жизни Владимир Юрьевич гордился тем, что он не берет в руки оружие, туманно намекая на некие обстоятельства прошлого, но вероятность засады противника или прямого боестолкновения быстро лечила от позерства. Колона отъезжала, и следовало поторапливаться.

Встречающих на границе было много. К Донецку нас сопровождали Равиль² с прокурорскими, Захарченко³ с оплотовцами и Ходаковский⁴. Было несколько командиров поменьше. Все ждали Александра Борода⁵, с которым мы приехали. Нас никто не представлял. Какие-то москвичи, и ладно.

В итоге машин не хватало, так как те, на которых мы прибыли, должны были вернуться, а мы пересаживались к местным. Суetyщихся бойцов рассовывали в салоны по четыре человека на задние сиденья, и даже в багажники. Мы с Олегом, на правах гостей, на пассажирские задние посадили только одного. Ополченец, разбирающийся в приличных людях, поправляя съезжающую каску и постоянно перекладывая с руки в руку старый АК-47, комментировал происходящее, сидя рядом с флегматичным пожилым водителем.

– Чего они там возятся! Копать окопы их отправить!

От него мы впервые услышали эту веселую фразу, которая в то время имела угрожающе-многозначительный оттенок. Копать окопы. Это было универсальное наказание. Провинившихся и нарушителей отправляли на передовую копать окопы. Мероприятие это сулило его участникам богатый и яркий, но не всегда длительный жизненный опыт.

Обламинистрация Донецка после захвата восставшими дончанами

Первые три ночи в Донецке, пока не переехали в «Столичную гостиницу» на пересечение центральных улиц Артема и Богдана Хмельницкого, спать пришлось в большом частном доме, который Саша Кофман арендовал у каких-то местных коммерсантов. До войны в доме располагался дорогой бордель, поэтому некоторым посетителям из нынешнего пра-

вительства ДНР и парламента Новороссии адрес был хорошо знаком. Дом был величав и неудобен для походного размещения.

К моменту нашего приезда туда же прибыл и Олег Царев. С учетом того, что Царев в то время числился Председателем Парламента Новороссии, а Кофман – его первым заместителем, то и ранжир был определен. Такое положение дел продлится недолго. С ними в доме жила их свита, поэтому места не хватало.

Так как мы еще не были официально назначены на свои должности и воспринимались как очередные московские туристы, приехавшие поглядеть на борьбу за Русский мир, то Антюфеева, имеющего все внешние признаки большого начальника, уложили в комнату повыше. Нам же с Олегом пришлось спать в сауне на старом узком диванчике и бильярдном столе. Время, когда сон, хоть и в душной и неудобной, но находящейся в подвале сауне был более спокойным, чем в большой комнате под крышей, только наступало. Постоянных масированных артобстрелов города еще не было.

На четвертый день нахождения в Донецке я пошел в храм. Свято-Преображенский собор, расположенный напротив отеля «Столичный», ставшего на долгое время резиденцией сначала Бородая, а потом и Александра Захарченко, был одной из изюминок Донецка. Красивый и строгий храм, украшенный внутри величественными иконостасами, являлся гордостью города. В дальнейшем я проведу много времени, прогуливаясь в парке вокруг него и беседуя с кандидатами на службу в министерство госбезопасности Донецкой Народной Республики.

Перед входом в храм висело уже традиционное объявление «С оружием вход воспрещен». Прошла информация о том, что в одном из оставленных Стрелковым населенных пунктов националисты расстреляли молящихся в храме ополченцев, что формировало нервозность вокруг обрядов.

Но в церкви было хорошо и спокойно.

Свято-Преображенский собор Донецка, город после очередного украинского артобстрела

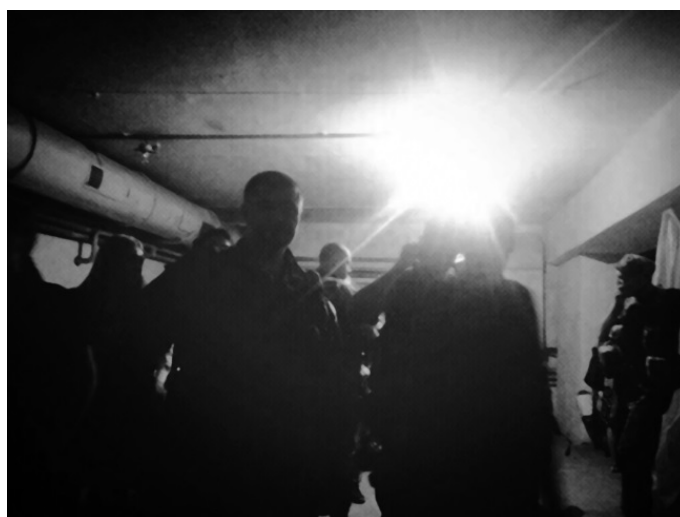
Начались лихорадочные будни, когда день идет за месяц по яркости, насыщенности и содержанию. Перманентная суэта на одиннадцатом этаже Донецкой облгосадминистрации прямо корреспондировалась с неровным графиком Бородая. Попасть на одиннадцатый можно было либо на общем лифте, который ехал до десятого, откуда еще нужно было подняться по лестнице, либо на отдельном лифте, магнитные ключи от которого были у членов Совета министров и нескольких особо доверенных. Свой ключ я получил через неделю после прибытия. Он до сих пор хранится в память об этих днях.

У входа в здание в то время всегда дежурило много активистов. Люди демонстрировали решительный настрой. Постоянно были расставлены палатки, в которых велась запись в разные подразделения ополчения. Заметно выделялась палатка Союза ветеранов Донбасса «Беркут» (СВД «Беркут»), состоящего преимущественно из пенсионеров и работников местных органов внутренних дел. Через определенное время данная структура будет распущена, так как самостоятельные милицейские подразделения в условиях войны оказались малоэффективными. Каждый вечер вокруг ОГА проходил крестный ход.

Практически все помещения внутри носили следы штурмов, борьбы и многодневных дежурств большого количества народа. Некоторые этажи жили своей, обособленной от других, жизнью – со своими командирами, активом и интересами. Наиболее цельным и респектабельным был блок, закрепленный за Олегом Царевым.

Чтобы попасть в отдельные коридоры и кабинеты, приходилось преодолевать завалы мусора, мебели, наспех сваренных металлических перекрытий и укреплений, баррикады, хаотично сформированные на всех этажах за время удержания здания восставшими дончанами. Первое, что сделал Владимир Антюфеев, это выделил общего коменданта здания, назначил команду по разбору «авгиевых конюшен» и разблокированию расположенного в подвальной зоне бомбоубежища.

Буквально через несколько дней появился повод его проверить. Мы с Березой находились в большом зале для совещаний, одна из дверей которого вела в приемную Бородея. В нем был большой овальный стол, за которым проводились заседания Кабмина и пресс-конференции. Пока зал пустовал, мы использовали его, чтобы побеседовать с интересующими нас людьми. В какой-то момент в дверь из приемной резко распахнулась, и в помещение резвым шагом почти вбежал Антюфеев. Он схватил свой пиджак, висевший на спинке стула, и выскочил, уже на выходе что-то быстро сказав нам. Я не расслышал слов и спросил Олега, что это было. Олег сказал, что вроде нас сейчас «Точкой У» бомбить будут. Как выяснилось впоследствии, из командного пункта в Краснодоне пришла информация, что по зданию администрации сейчас будет нанесен удар «Точкой У»⁶.

В подвале бомбоубежища, Облгосадминистрация Донецка, 10 июня 2014 г.

Когда мы вышли из зала, то увидели, что вся разношерстная толпа народу, находящегося на верхних этажах, спускается по лестничным маршам вниз. Владимир Юрьевич был уже где-то вдалеке, деловито пробиваясь через гражданских со словами, что ему нужно к Премьеру. Нам с Олегом было как-то неудобно идти за ним, так как в случае нанесения удара за спинами оставались люди. Поэтому мы замкнули колонну, поторапливая отстающих, и

на каждом этаже заскакивали в коридоры и несколько ближайших кабинетов, громко требуя спуститься вниз. Весь этот табор довольно медленно тянулся вниз, и понятно, что если бы «Точка У» действительно прилетела, то шансов у нас не было.

Дойдя до третьего этажа, мы увидели, что толпа остановилась. Тут уже можно было пробиваться вперед, к Антюфееву, где выяснилось, что так заботливо разобранный по команде Владимира Юрьевича проход упирался в массивную дверь бомбоубежища, закрытую на ключ ушедшим на обед комендантом. Постояли минут пятнадцать, пока искали коменданта, обедавшего неподалеку, и вошли в убежище. Посидели, разошлись. Продолжаем работу.

И.Стрелков и М.Регинская

Секретарь Елена Ивановна Филиппова и ее молодая смышленная сменщица Таня регулярно резали бутерброды, из которых состояли перекусы при совещаниях и разговорах в комнате отдыха премьерского кабинета. Иногда им помогала секретарша помощника Борода Сергея Кавтарадзе, Мирослава Регинская, которая позже станет женой министра обороны ДНР Игоря Стрелкова (Гиркина)⁷.

Однако времени с Бородаем проводили не так много, мы с Олегом разделились, начали изучать обстановку и искать подходящих людей. Это был вечный поиск, так образно описанный Стругацкими в «Отягощенных злом». Пошла работа. Пока мы под условными фамилиями значились советниками Премьера.

Степ бай степ

Определяя дислокацию

Комплекс зданий Донецкого управления СБУ, ранее являющийся одним из главных объектов народного возмущения и последующих штурмов, оказался к моменту нашего прибытия занят Стрелковым. Использовать его под министерство госбезопасности ДНР, несмотря на формальное постановление Кабмина⁸, было невозможно по нескольким причинам.

Во-первых, помещения были в значительной мере испорчены в ходе революционных событий марта-апреля 2014-го, несмотря на масштабный ремонт, который был проведен буквально перед началом событий. Позже принятый мною на службу бывший офицер материально-технической службы СБУ Александр Подкопаев будет горько стенать по поводу этого ремонта, в проведении которого он принимал непосредственное участие.

Во-вторых, перебравшийся в город перед нашим прибытием Стрелков оборудовал там свой штаб. Сил и возможностей, чтобы выселить его, не было. Да не было и необходимости. Война важнее. Ко всему этому часть помещений была оборудована под камеры временного содержания, где в дальнейшем разместится военная полиция.

Центральный вход в здание Донецкого управления СБУ после его захвата восставшими дончанами

Среди корпусов имелось несколько строений, достаточно хорошо защищенных от авиаатак и артобстрелов. Стрелков обосновался в одном из таких, являющемся старым зданием оперативной спецсвязи. Помещения не имели лощеного ремонта нового админблока, но в силу расположения были довольно безопасны от обстрелов. Рядом располагался корпус главного отдела «К» СБУ, специализирующегося на борьбе с коррупцией и оргпреступностью. Там символично обжился Павел Губарев.

В городе действовало право сильного, а сильным стать только предстояло. Следовало накопить ресурсы. Поэтому по договоренности с Олегом Березой⁹ министерство госбезопасности ДНР первые полтора месяца дислоцировалось в крыле здания управления внутренних дел Донецкой области, которое с 17 июля стало местом дислокации центрального аппарата министерства внутренних дел ДНР. С учетом сложной обстановки это позволяло и поддерживать друг друга в случае каких-либо обострений.

Принимаю должность

17 июля 2014 года, после двухнедельного изучения обстановки, я был утвержден министром государственной безопасности Донецкой Народной Республики, проработав до этого некоторое время сначала советником Премьера по безопасности, а потом исполняющим обязанности министра. Именно этот день и является официальной датой создания МГБ ДНР¹⁰.

К моменту провозглашения министерства оно представляло собой количество личного состава по списку – одна единица в лице министра госбезопасности, материальные средства министерства в виде свежевырезанной печати МГБ и выданного на руки постановления о создании ведомства. У меня не было ни приезжих коллег, ни каких-либо ресурсов.

Некоторые считали, что МГБ существовало и до меня, но это не так. Дело в том, что назначенный ранее руководителем то ли Службы, то ли Министерства госбезопасности ДНР (в разных документах ведомство именовалось по-разному) Александр Ходаковский создать МГБ не успел по вполне прозаической причине. Начались широкомасштабные боевые действия, и вторая ипостась Ходаковского в виде командира батальона, а впоследствии и бригады «Восток» стала доминирующей. Вероятно, в тех условиях это было верным, так как без защитников на передовой ни о каком госстроительстве речи идти не могло. Ведомство не было создано не только фактически, но и юридически – отсутствовали какие-либо решения о формировании МГБ и его правовом статусе. Единственное, чем обзавелись бойцы «Востока», – это отпечатанные ламинированные карточки с надписью «МГБ ДНР Батальон «Восток», которые они для солидности использовали.

Ходаковский

Свое отстранение и мое назначение Александр Ходаковский воспринял болезненно. Мы увиделись с ним в комнате отдыха премьерского кабинета. Не обращая внимания на наши вопросы и толком не разобравшись, кто мы, Александр Сергеевич с ходу стал рассказывать свою версию произошедшего 26 мая в Донецком аэропорту¹¹. Было очевидно, что события эти для него мучительны и серьезно повлияли на мировосприятие.

Александр Ходаковский, командир бригады «Восток»

С ним стал общаться Антюфеев, причем потребовав от меня с Олегом удалиться. Он был уверен, что сможет задавить его силой своего авторитета. И просчитался. Вальяжно проэкзаменовав Ходаковского по его жизненному пути и рассказав, как тот теперь будет

трудиться под его руководством, Владимир Юрьевич с видом победителя заявил: «Завтра я еду принимать „Восток“ под командование». Это завтра так и не наступит.

Впоследствии такую же ошибку он совершит и в разговоре с горловским командиром Игорем Безлером¹². Позвонив тому по телефону по незначительному вопросу и не будучи с ним знакомым, он Безлером был просто послан в известные всем места.

Следствием обиды Ходаковского, который потом с горечью скажет: «Я же сам их привез от границы», станет его временная показная оппозиционность по отношению к республике. Находясь в состоянии нормальной военной координации, выполняя задачи, которые перед ним ставили, он публично позволит себе высказывания о ДНР, которые потом ему будут стоить дорого.

В августе мне пришлось некоторое время по рабочим вопросам находиться в России. Именно тогда конфликт обидевшегося на Ходаковского Антюфеева и обидевшегося на Антюфеева Ходаковского принял жесткую форму.

Пользуясь только-только созданной мною основой МГБ, Антюфеев прикажет моим сотрудникам арестовать несколько бойцов «Востока», которые разрезали на металллом мощности одного из предприятий. Пикантности истории добавит то, что задерживали их конкуренты по этому промыслу. В итоге «Восток» по команде Ходаковского возьмет в окружение базу МГБ ДНР, на которой по приказу Владимира Антюфеева содержались арестованные, подгонит технику и сделает несколько выстрелов из «зушек»¹³.

Пришлось после возвращения в Донецк эти проблемы решать. Постепенно отношения с Александром Ходаковским выровнялись и приобрели позитивный характер. С ним оказалось интересно общаться. Александр Сергеевич много читал, впитывая, как губка, знания и смыслы.

Себя он ощущал своеобразным монашествующим рыцарем в миру. На такую самоидентификацию влияла высокая степень духовно-религиозной вовлеченности. Этот характер был причудливой смесью спецназовца и рафинированного интеллигента, причем сам он акцентировался не на силовой составляющей. Надо сказать, интересная смесь, которая, однако, приводила к нелинейным реакциям на проблемы и к рефлексии.

В общественно-политической жизни это было помножено на традиционную специфику менталитета украинских политиков, сутью которой является постоянный поиск альтернативных центров силы и попытки «сделать ставки и найти входы». Он все не мог понять, что в новой системе власти «небожители», в лучших традициях греческой мифологии, могли обладать всем спектром страстей и иметь сложные отношения друг с другом, но правило единоличного контроля над вверенным участком соблюдалось незыблемо. Так как его движения прямо противоречили современному российскому тренду «один участок – один хозяин», то именно это в итоге в тот момент и привело сначала к отказу от Александра Ходаковского как потенциального лидера республики, а позже и к выдавливанию его из строящейся государственной архитектуры, несмотря на очевидные заслуги.

Ходаковский долго не мог найти себя в системе координат ДНР. Одним из родимых пятен его участия в процессах стал первый бой за Донецкий аэропорт.

Аэропорт как символ войны

Бои за Донецкий аэропорт были яркой иллюстрацией общей бестолковости всего военного противостояния. Они как бы концентрировали и отражали изменение ситуации.

Начались они с известных событий 26 мая 2014 года. Этот день был переломным для всего происходящего в Украине и в Донбассе. За сутки до этого, 25 мая, прошли противоречащие Конституции Украины досрочные выборы президента, которые так активно продавливало западное сообщество.

Запад, таким образом, легитимизировал незаконное киевское правительство, которое в итоге получало карт-бланш и дорожную карту. Это был Рубикон, за которым главным условием выживания нового украинского руководства детерминировалась предельно агрессивная антироссийская политика. В свою очередь, для силовиков Украины произошедшее стало основанием строиться под знаменами новой власти.

Александр Захарченко дает интервью возле Донецкого аэропорта перед выдачей тел украинским десантникам представителям Украины. В это время со стороны Украины, предупрежденной заранее, начинается массированный артобстрел

Почему же в тот день ситуация в аэропорту развернулась по трагическому сценарию?

Дело в том, что для многих участников событий приоритетным и самым желательным примером являлся Крым. Один из наиболее популярных транспарантов того времени – «Донбасс. Крым. Россия». А главной особенностью «Крымской весны» была ее бескровность. Воинские части и органы власти брались под контроль по мирному варианту. И в Донбассе изначально пытались идти по тому же пути. Именно мирные жители вставали перед боевой техникой ВСУ¹⁴. И именно об этом говорил президент России в своей известной речи¹⁵. Были все основания надеяться на такое развитие событий.

Украинские пленные военнослужащие переносят гробы с телами своих товарищей, которые передаются украинской стороне. Часть этих пленных в тот же день решением Александра Захарченко без каких-либо условий будет передана их родителям под гарантии, что воевать они больше не будут

Если бы не полная отморозенность противника, которую учили не в полной мере. Это для нормального человека недопустимо стрелять в женщин и детей. Недопустимо из артиллерии и танков обстреливать школы, больницы, церкви и роддома. Солдат понимает, что сражаться он должен с армией противника, а не со своим народом.

В Украине оказалось иначе. Все границы были быстро пройдены. Каша в головах, всеобщая пропаганда, западные советники и вакханалия от вседозволенности быстро позволили Киеву развернуть «окна Овертона» в нужном направлении.

Полковник вооруженных сил Украины, которому передавались тела украинских десантников, погибших в аэропорту

В январе 2015 года пришлось беседовать с одним из самых известных украинских пленных, комбатом так называемых «украинских киборгов»¹⁶ 90-го десантного батальона 81-й десантной бригады вооруженных сил Украины Олегом Кузьминых, принимавшим участие и в бою за аэропорт 26 мая 2014 года. Этот основательный житомирский парень демонстрировал просто чудеса зомбированности. Благодаря постоянному вдальбливанию украинской госпропаганды он был искренне уверен, что мы сами себя обстреливаем.

Я предложил ему описать технологию самообстрела, в том числе с учетом баллистических данных используемой нами артиллерии, которая при таком раскладе должна была

находиться далеко на украинских позициях. Он не нашел что ответить, лишь путаясь в фантастических версиях неких специальных передовых российских артиллерийских разработок.

На следующий день после этого разговора с Кузьминых планировалась выдача противнику нескольких тел украинских десантников, погибших в донецком аэропорту. Такое решение было принято, так как те сражались достойно и, оказавшись под угрозой плена, подорвали себя гранатой. На фоне общей деградации украинской армии такой мужской поступок заслуживал уважения. Прибывший для организации приема тел полковник украинского Генерального штаба категорически отказался забирать их в случае, если процесс будут снимать телекамеры, со словами «если так, то делайте с телами что хотите». Но в итоге нашли некий компромисс.

Так вот. В этот день, утром 22 января 2015-го, украинские военные обстреляли район Донецка Боссе. Целились они в завод «Донгормаш», на территории которого ремонтировалась техника ополченцев.

В связи с этим завод обстреливался регулярно. Но из-за слабой подготовки артиллеристов, изношенности используемых орудий снаряды часто летели мимо, как случилось и в тот раз.

Место артиллерийского обстрела украинскими войсками района «Боссе» Донецка

Залп накрыл остановку общественного транспорта рядом с заводом, подъехавший к ней троллейбус и автомобиль. Погибло около пятнадцати человек, было много раненых, взрывная волна отрывала конечности и наносила тяжелые контузии. Люди ехали на работу, поэтому транспорт был переполнен. Мы с Олегом Березой в это время находились в районе аэропорта, ожидая передачу тел украинских солдат. Одной из пострадавших была подчиненная Олега, молодая девушка, которой оторвало ногу. Поехали туда вместе с Захарченко. Место трагедии выглядело ужасно. Осколки, бытовые вещи, фрагменты человеческих тел случайных прохожих, свисающие троллейбусные провода, чей-то окровавленный ботинок, разбросанный из перевернутых урн мусор, раскрашенный брызгами крови, рыдающие родственники, шоковое состояние выживших. Осмотревшись и пообщавшись с местными жителями, Захарченко поручил туда привезти и Олега Кузьминых. Без каких либо особых целей. Он просто хотел, чтобы и тот увидел своими глазами, что делают его сослуживцы.

Насколько ситуация тронула Захарченко, я понял, позже приехав с ним на базу. Зайдя без стука в его кабинет, увидел, что он, обхватив голову руками, плачет. То были нормальные мужские слезы человека, испытывающего невыносимую человеческую боль и горечь. Это чувство он попытался разделить с Кузьминых.

Пленный комбат так называемых «украинских киборгов» 90-го десантного батальона 81-й десантной бригады вооруженных сил Украины Олег Кузьминых на месте обстрела украинскими военными района «Боссе» Донецка, при котором погибло большое количество мирных жителей

Но украинского десантника не убеждало ничего, он продолжал твердить, что просто «мы несвободные». К смертям дончан отнесся довольно равнодушно. Когда я задал ему вопрос о критериях свободы, Кузьминых совершенно искренне заявил, что, чтобы быть свободным, нужно иметь возможность смотреть украинское телевидение. Все его сознание состояло из примитивных украинских идеологических штампов. Позже, освободившись из плена по обмену, Кузьминых заявил, что и Боссе мы тоже обстреляли сами в неких пропагандистских целях, а его встречу с местными каким-то образом срежиссировали. Так что степень морально-нравственной деградации этих людей, зашлифованной пропагандой, была запредельной.

Поэтому надежда на мирное взятие под контроль Донецкого аэропорта не сработала. Именно расслабленностью руководителей операции и, как следствие, ополченцев и добровольцев, недостаточно подготовившихся в боестолкновению, частично можно объяснить трагедию.

Вполне квалифицированные бойцы с боевым опытом элементарно не ожидали снайперов, вертолетов и полноценного боя, а сам их заход не был проработан. Как полноценного боя, в общем-то, не ожидали и «вежливые люди» в Крыму. Сложилась ситуация, которую «ГРУшные» спецназовцы характеризуют формулой «Если готовишься к войне, то всегда пройдешь парадом. Если готовишься к параду, то тебе хана». Это, в первую очередь, касалось и подготовки штурма. Символично, что незадолго до боя в аэропорту ополченцы участвовали в параде, прошедшем в центре Донецка.

Конечно, в этой истории даны еще не все ответы (хотя они и есть). Ответы на вопросы о том, почему столь спешно был назначен штурм. Почему, фактически одержав победу, противник не усилился и не двинулся в наступление на город. Почему вообще так неожиданно и яростно стал сопротивляться, хотя ни до штурма, ни некоторое время после нигде не дрался столь отчаянно. Каковы были реальные задачи группы, брошенной на атаку аэропорта, кто и для чего изменил изначальную цель. Всему свое время.

С того момента за Александром Ходаковским, как организатором неудачного штурма, закрепится дурная слава из-за как бы некачественного планирования боя в аэропорту, хотя бой там и не планировался.

Эта слава будет усилена неудачным штурмом погранпункта «Мариновка» 5–6 июня. И это при том, что менее чем через полтора месяца Стрелков предпримет другую неудачную атаку Мариновки, которая приведет к жертвам среди ополчения, совокупно превышающим потери и при штурме аэропорта, и при предыдущей атаке на Мариновку Ходаковским. На это в информационном пространстве просто не обратят внимания. Именно первый бой за Донецкий аэропорт громче других прозвучит в СМИ.

Далее столкновения за аэропорт носили ритуальный характер. В вялотекущем режиме там постреливали бойцы «Востока», Спецкомитета, «Оплота», казаки и другие, более мелкие подразделения. Это было время, когда чисто военными силами практически ничего не захватывалось и тактика ополчения сводилась почти исключительно к оборонительным действиям.

После прихода Стрелкова в Донецк он поручил опеку над аэропортом своему заместителю по разведке Хмурому¹⁷ со словами:

– У Сергея Николаевича должок за невзятие Краматорского аэропорта. Он этот долг вернет.

Хмурый работу по аэропорту организовал по методике «малыми силами кошмарим аэропорт, а потом, когда он расслабится и решит, что мы способны только на это, мощно и неожиданно ударим по противнику».

При этом регулярно озвучивалась информация, которая, как теперь понятно, носила мифический характер. Про огромные подземные ходы, по которым выезжают танки противника, отстреливаются и уходят. Про схроны ценностей и архивов Януковича и других олигархов, которые в аэропорту ищут и охраняют загадочные спецгруппы западных ЧВК¹⁸, про регулярно сбрасываемые по воздуху припасы и БК и т. п. Коммуникации там, конечно, были и противником использовались, но совсем не такие, как докладывалось.

С учетом того, что Стрелков постоянно задействовал группы Хмурого на других направлениях, а военное планирование как таковое отсутствовало, мощно ударить не получилось, аэропорт вновь взят не был.

Время для быстрого захвата аэрогавани было упущено. В дальнейшем противник все активнее стал осваивать большие территории аэропорта, шаг за шагом выстраивая инженерные оборонительные сооружения в старом и новом терминалах, оборудуя укрепления, а сама территория порта из-за постоянных позиционных боев внешне превращалась из ДАП (Донецкого аэропорта) в АД (аэропорт Донецка) с более полным содержанием этого сакрального слова.

Осенью мы с Березой решили своими глазами посмотреть, что на самом деле там происходит. Одевшись и снарядившись соответствующим образом, повязав на «горки» белые бинты как знак принадлежности к ополчению, мы отправились к «девятке» – девятиэтажному зданию по адресу Взлетная, 11а, знакомому любому, кто бывал в том постоянно обстреливаемом районе. Дом находился на окраине въезда в аэропорт, служил штабом для подразделений «Гиви» и «Моторолы» и регулярно подвергался ударам противника из всех видов имеющегося вооружения. Выглядел он, как и вся последующая территория, наглядной агитацией к какой-нибудь компьютерной стрелялке или постапокалиптическому фильму. Выбитые окна, покосившиеся лестничные проходы, капающая в них вода, торчащие куски стен и перекрытий, выбоины от снарядов и дыры в фасаде. Коридор разделял здание на две половины. В первой, развернутой «лицом» к противнику, были оборудованы наблюдательные

точки на верхних этажах. Во второй, через коридор, располагались несколько штабных помещений.

Здание, в котором дислоцировался штаб подразделений «Моторолы» и «Гиви» перед входом в Донецкий аэропорт. Известно как «Девятка»

К тому времени подразделения ДНР «Спарта» и «Сомали» контролировали старый терминал.

Взяв проводника, мы отправились на территорию аэропорта.

Приходилось постоянно бежать от здания к зданию, укрываясь от снайперов и обстрелов.

Решив поижонить и следуя передовой донецкой моде того времени, я надел на ногу набедренную универсальную кобуру Multicam, которая была закреплена на поясном ремне. Очень эпичный ковбойский вариант. Во время бега кобура била по ноге, мешая передвижению, и на одной из остановок я просто отстегнул ее, сунув «стечкин» в разгрузку. Стало удобнее. Понтам на войне не место.

Наши с Олегом группы разделились. Начался минометный обстрел. Три мины глухо ухнули рядом, и мы залегли под трактором в одном издырявленных в решето ангаров. К минам добавились «воги» и снайпер. После того, осмотревшись и сделав выводы по интересующим меня вопросам, я вызвал группу подкрепления своего спецназа на бронированном транспорте, а сам перебежками вышел к штабу. Группу по «взлетке» направил на усиление Березы, так как из места, где я в тот момент находился, идти силами «лички»¹⁹ в сторону движения группы Олега по обстреливаемой взлетной полосе смысла не было.

– Чего нам там делать?! Наш министр вышел, а менты пусть сами разбираются и своего вытаскивают!

Старший моего спецназа осматривал территорию из кабины своего броневедомобиля, на крыше которого была укреплена автоматическая турель с пулеметом.

– Отставить разговоры и выполнять задачу! – оборвал я говоруна. Боец просто не узнал меня в «горке»²⁰. В это время подъехал Моторола²¹, возмущенный тем, что в аэропорт руководство вошло без него (хотя мои бойцы и предупредили его, как старшего по объекту, о мероприятии). Разговорный русский язык в творческой обработке Арсена звучал причудливыми иностранными нотками.

Момент боя в Донецком аэропорту 26 мая 2014 г.

На земле под обстрелом с автоматом премьер-министр Александр Бородай. Съемку ведет его помощник Сергей Кавтарадзе.

Через некоторое время вернулся и Олег. Потерь не было, зато было довольно ясное понимание, что там на самом деле происходит. Помимо объективного представления о происходящем мы постарались решить насущные проблемы обороняющихся старый терминал бойцов. Около сорока человек не имели нормального обмундирования, питания и боекомплекта. По нашему обращению Александр Захарченко урегулировал эти вопросы. К сожалению, старший гарнизона с позывным «Волк» и еще несколько бойцов погибли при расстреле танком противника прямой наводкой спустя две недели.

В целом бои за аэропорт точно отражали повышение степени слаженности, скоординированности и подготовки ополчения. И ожидаемо, к моменту трансформации ополчения в полноценную армию, аэропорт был взят.

От энтропии

Обрушение социальных норм

Эмиль Дюркгейм и Роберт Мертон в Украине 2014 года нашли бы полное подтверждение своей теории социальной аномии²². Стремительное, почти одномоментное по историческим меркам разложение, дезинтеграция и распад определенной системы устоявшихся ценностей украинского общества в «майданный период» привели в состояние, когда старые нормы более не соответствовали новым провозглашенным идеалам. За этим следовали жесткие социальные девиации с лавинообразным обрушением всех моральных опор общества.

В итоге пытаться, убивать, оскорблять, насилловать, грабить стали не только маньяки и патентованные мерзавцы. Все украинское общество приняло состояние, когда мозг вводит в «слепую зону» весь творящийся беспредел «своих» и сам находит этому оправдание. Гитлеровское общество в этом смысле не было единичным феноменом.

У профессиональных врачей-психиатров известен такой казус. Если к больному с определенным диагнозом обратиться и сказать:

– Уважаемый, хочу с вами посоветоваться. У меня есть пациент с некоторыми симптомами. Но мы не можем окончательно определиться, пограничное ли это состояние или уже болезнь?

После этого начать описывать симптомы того самого больного, с которым вы общаетесь, не называя имен.

В ответ вы услышите:

– Да он полный псих! Конечно же, он болен.

Мозг таких больных не способен к сравнительной самоидентификации. Такая же болезнь свойственна многим участникам нашего процесса. Как пела когда-то одна украинская поп-группа, «мозг обезьяны видит обезьяну».

Приехав в начале июля в Донецк, я был поражен, как быстро жители еще вчера общей страны и с одной, и с другой стороны перешли от уличных митингов к взаимному истреблению, причем массовому и остервенелому.

«В горах терпит крушение самолет. Отправляется спасательная экспедиция. В итоге спасатели выходят на гору с обломками самолета. Рядом разожжен костер, у которого какой-то человек доедает человеческую ногу. Возле огня навалена большая куча человеческих костей и останков. Увидев спасателей, он в слезах бросается к ним и, захлебываясь, падает им в ноги с криками:

– Да, я их всех съел! Я был вынужден! Это борьба за существование, или я или меня! У меня дети, мир жесток, и таковы законы природы! А-а-а!!!

– Мужик, мы все понимаем... Дети, природа, существование... но с момента катастрофы прошло всего двое суток...»

Очень показательным было состояние органов внутренних дел, которое можно считать типичным для любой войны и революции. Военный оказался страшнее и могущественнее человека с удостоверением. Чувствующие себя хозяевами положения работники милиции и других правоохранительных органов мгновенно проиграли эволюционное состязание ребятам с автоматами.

Только в Донецкой области общая численность представителей органов внутренних дел составляла более 16 000 человек. И это без прокуратуры, внутренних войск, пенитенциарной системы, СБУ, пограничников, Спецсвязи, СВРУ и т. п.

Простая арифметика. В начале июля 2014-го «Оплот» составлял не более 600–800 человек, «Восток» – порядка 800–900. У Безлера было около 350–400. Небольшие группы казаков, РПА и т. д. тоже не давали больших цифр. Задавить восстание правоохранители могли... но боялись.

«Задача. На одном острове живет два племени. В одном сто человек. И каждый хочет взять палку и пойти войной на соседей. В другом десять тысяч. И каждый хочет... чтобы сосед взял палку и пошел войной на соседнее племя. Вопрос. Кто победит?» Кстати, этот процесс характеризует не столько соотношение сил, сколько степень народной поддержки. Потому что боялись ее. Ну и Россию, конечно. Плюс послемайданная организационная дезинтеграция.

Когда мы с Олегом Березой зашли в Донецкое областное УВД, то сотрудников полиции пришлось буквально собирать.

Олег проделал огромную работу по перезапуску системы. Первые 500 человек, принявшие присягу, категорически отказывались выезжать на вызовы и выходить в патруль. Причины для этого были. Пулю можно было поймать просто так, особенно с учетом наличия на форме украинской символики. Шевроны быстро срезали, позже была заказана новая форма. Береза страшно гордился первыми автомобилями ГАИ с атрибутикой ДНР.

Чтобы уйти от украинских аллюзий и обозначить вектор гармонизации с Россией, милицию Олег решил переименовать в полицию. Патрули усиливали ополченцами, и только это на первом этапе стабилизировало ситуацию.

В этом смысле положение полиции почти всегда (если, конечно, она выполняет только традиционные правоохранительные функции) является барометром войны и контроля над ситуацией властью или ее отсутствия. Чем больше в обществе права удостоверения, тем меньше права автомата, и наоборот.

Вспоминаю в этой связи курьезный случай. В сентябре 2014 года, в момент проведения совещания министром внутренних дел ДНР со своими заместителями и командирами подразделений своего министерства, в кабинет вошел помощник и заявил:

– Олег Владимирович! К вам, хм... Пыль.

– Кто?!

– Пыль!

В этот момент в кабинет вошла маленькая, ростом не более 150 сантиметров, очень смешная девушка и заявила:

– Я должна осмотреть ваше здание на предмет наличия серверов, передающих информацию в Украину! Есть такая информация...

– Ты кто, милая?!

– Я – Пыль! От Хмурого...

Общий хохот и рассуждения про пыльного Хмурого и хмурую пыль.

На улице в этот момент все было не так смешно. Группа спецназа, прибывшая вместе с барышней, брала в окружение здание УВД и расставляла снайперов.

(Когда спустя время, уже в московском офисе «Союза добровольцев Донбасса», перед вручением знака Добровольца я напому этой девушке тот случай и в шутку скажу, что знак должен вручать Олег Владимирович Береза, Екатерина страшно покраснеет и начнет сбивчиво вспоминать, почему так произошло.)

В итоге, конечно, конфликт преодолели, всем, кому нужно, принесли извинения, но факт оставался фактом. Привычка решать вопросы по принципу «у кого больше оружия» приходит легко и уходит очень сложно.

В сентябре я приказал задержать одного из командиров «Оплота» с позывным «Сталкер». Для этого были веские причины. Так как он был депутатом Верховного совета, то задерживали его у здания ОГА.

Уже к вечеру здание МГБ было оцеплено «Оплотом», и один из командиров с позывным «Кадет» предлагал мне выдать их товарища под угрозой штурма. Я знал, как реагировать в таких ситуациях, и решил вопрос с конфликтом.

Но такие случаи на первых порах бывали регулярно. Здание МГБ ДНР пережило три полноценных попытки штурма, в том числе при последнем, произошедшем 11 ноября 2014-го, нападавшими были тяжело ранены трое случайных прохожих.

В другой раз одно из оперативных подразделений МГБ инициировало задержание группы лиц, обоснованно подозреваемых в совершении тяжкого преступления. Для силовой поддержки и защиты оперработников и следователя я поручил привлечь спецназ министерства.

Выехали на задержание. Через какое-то время мне доложили, что один из бойцов спецназа убит в перестрелке, а остальные сотрудники блокированы значительно превосходящими силами «Востока» и разведуправления минобороны ДНР.

Так как к тому времени у меня были уже налажены отношения со всеми ключевыми командирами, вопрос быстро разрешился. «Востоковцы» были отозваны, а Хмурый, командующий военным разведуправлением, даже предложил расстрелять своих бойцов, виновных в происшедшем. Я отказался, так как требовал неукоснительного соблюдения закона. Нарушая сам, можешь ли ты спрашивать с других?

В итоге выяснилось, что трагическая история стала следствием очередной нескоординированности и излишнего количества оружия на руках внутри города.

В момент, когда сотрудники МГБ блокировали интересующую квартиру, в расположенной рядом отдыхало двое бойцов «Востока». Решив, что столкнулись с диверсионно-разведывательной группой противника, или же, по другой версии, что пришли за ними, они вызвали подкрепление, а сами заняли господствующую позицию и открыли огонь. Подъехавшие на подмогу «востоковцы» пересеклись с бойцами военной разведки, и те по-братски предложили помочь в ликвидации украинских диверсантов. Лишь мое вмешательство позволило избежать еще более трагичных последствий.

По факту происшедшего было возбуждено уголовное дело, начато расследование, виновные задержаны. Я же вышел со срочной инициативой предельно ограничить ношение оружия в городских условиях, ввести для бойцов увольнительные и, по возможности, вывести подразделения ополченцев из районов компактного проживания мирного населения.

Всеобщая вакханалия по обе стороны фронта соседствовала с вполне системным и циничным подходом. Дело в том, что в специальных теоретических разработках военного дела существует набор рекомендаций, хорошо знакомых, например, офицерам военной разведки и военных подразделений спецопераций многих стран.

Суть их сводится к тому, что в ходе войны, в случае решения партизанских или иных специальных задач в глубине территории, окруженной противником на относительно длительный период, нужно системно проработать несколько принципиальных вопросов. И первый из них – безопасность. Второй – снабжение.

Безопасность должна быть обеспечена формированием фона, когда резко снижаются предпосылки к сопротивлению на местном уровне. Когда лишь одно имя боевого командира наводит трепет на окружающих. Для этого необходима серия показательных карательных акций. Чтобы они формировали стереотип животного ужаса к противодействию столь суровому отряду или командиру. Но это обязательно сопровождается формированием ква-

завластных институтов. Большевики почти идеально реализовали схему в своем «красном терроре».

Решением первой задачи создаются предпосылки для реализации второй.

При достаточном уровне контроля обстановки за счет твоего авторитета и страха решение вопросов самообеспечения приобретает чисто технический характер.

Здесь военное командование лишь регулирует вопросы судопроизводства, где выступает конечной инстанцией принятия решений и назначает гражданских или военно-гражданских управленцев. Все. Далее, по принципам синергетики, система управления обществом воспроизводит сама себя.

Проблема такой методики, которая, при правильной ее реализации, становится очень эффективной, лишь в одном. Она разработана для деятельности в отношении врага. И если ты поступаешь таким образом у себя дома, а не где-то в Нью-Гэмпшире или под Вроцлавом, то теряешь преимущества справедливой освободительной борьбы, поддерживаемой населением. Если, конечно, у тебя при этом не функционирует эффективный пропагандистский аппарат и не наличествует мощная трансцендентная идеология.

Указанную методику активно практиковали украинские военные, и особенно так называемые «добровольческие» националистические батальоны. Так, летом 2014-го батальон «Айдар»²³ устроил известную карательную операцию в поселке Новосветловка. Сначала была проведена подомовая «зачистка» поселка. Назначена новая администрация из числа лояльных жителей. Показательно взорвали советские памятники и перед жителями казнили несколько человек, подозреваемых в связях с ополчением. Несмотря на отсутствие какой-либо необходимости, под предлогом регистрации, бойцы согнали всех жителей в церковь, стали ее обстреливать и попытались поджечь. Пострадало много местных. В дальнейшем сами «айдаровцы» эту историю доводили жителям других населенных пунктов ЛНР как угрожающий и «воспитательный» пример. Такие случаи были повсеместны.

Но возникали, конечно, не столь массово, попытки и у некоторых наших командиров. Приходилось это жестко пресекать.

Незванные

Конфликты между различными подразделениями ополченцев на первых этапах возникали регулярно. Ослабление надзирающих и контролирующих структур вкупе с постоянным риском и доступом к оружию у некоторых формировали ложное чувство вседозволенности, с которым постоянно приходилось бороться. Нельзя было допустить превращения этого в общую картину. Из-за войны ситуация и так балансировала.

... В конце октября 2014 года в один из дней образовалось, как мы посчитали, некоторое затишье. Решили с Олегом и ребятами из «лички» попариться в бане, которая оставалась одним из немногих видов редкого отдыха.

Растопили. В это время в подстанцию, обслуживающую наш район, попал снаряд. Электричество вырубил. Ну, не страшно. Зажгли несколько свечей и большой электрический фонарь.

Я мылся в бане, когда услышал рядом первую автоматную очередь. Накинув халат, в кармане которого лежал «глок», выскочил в предбанник. Побежал наверх, за мной гнал Олег. Дверь моей комнаты, в которой оставил вещи, была открыта, а Олег, дернув ручку своей, понял, что она заперта. Ругаясь на ходу, рванул вниз за ключом. С того времени он установит в этой комнате пулемет и ключ всегда будет держать при себе.

Забежав в номер, натянул брюки, накинул халат, схватил автомат, снял с предохранителя и помчался вниз. «Абрам» уже лежал напротив двери с пулеметом.

Так что происходит?! Я вызвал по телефону свой спецназ и поручил бойцу «лички» провести разведку, сам расположился с автоматом у двери. На дворе прозвучало еще несколько выстрелов. Прошла информация, что ранен боец охраны Крым.

Прибыл спецназ, открыли двери. Нападавшие скрылись, но Крым от них получил три пули, одну в пах, две в ногу. Сегодня у него был день рождения, и незадолго до происшествия он угощал всех небольшим бисквитным тортиком.

Поехали сначала с Крымом в больницу. Оставив его там, отправились разбираться.

Где и кого искать, мы уже примерно представляли. В итоге сложилась типичная картина. Бойцы одного из подразделений «Оплота» решили проверить дом. С их слов, соседи сообщили о неких подозрительных людях. Сделали это бестолково. Виновных мы нашли и задержали, было возбуждено уголовное дело.

Вернувшись в больницу к Крыму, узнали от врача, что ногу могут ампутировать, потому что состояние критическое. Помочь могли бы специальные штифты крепления костей, но их в больнице нет. Срочно начали поиски, нашли какой-то частный медицинский склад, вскрыли его, привезли штифты. Прошла операция. В итоге ногу сохранили.

Крым носил свой позывной, так как приехал добровольцем из Крыма. Уже в Донецке он нашел себе вдовушку, с которой стал жить. Первоначально был в составе моей «лички», в которой сопровождал меня в июле 2014-го, в частности, к месту сбитого «Боинга».

Утверждение и «Боинг»

17 июля 2014 года было суетливым днем.

В обед кандидатуры министров госбезопасности и МВД рассматривались Верховным советом ДНР. Формально решением Кабинета министров мы были назначены 14-го, но действующий на тот момент порядок утверждения членов правительства требовал согласования с парламентом.

Заседание Совета было красочным. Многие депутаты приезжали прямо с передовой. Автоматы на столах соседствовали с блокнотами. Вопросов практически не задавали. Из России, и ладно. Значит, помнят, значит, не забыли. Значит, есть надежда.

Сразу же после заседания пришло сообщение о сбитом малазийском «Боинге». Владимир Антюфеев, ранее уже утвержденный первым вице-премьером по правоохранительным органам, на место происшествия ехать отказался категорически, заявив, что «по этому делу он светиться не должен», и поручил отправиться туда мне. Да я и сам бы так поступил. К тому же туда помчался и премьер, и в итоге к месту падения самолета мы ехали вместе с Александром Бородаем в его машине.

Снятое с воздуха место падения «Боинга»

Вектор дымящихся обломков самолета, растянувшихся на несколько километров, вел к локализации падения. К моменту нашего прибытия территория падения была оцеплена силами «Оплота» и ополченцев. На подъезде мы пересеклись с несколькими группами журналистов, в том числе иностранных. Кому-то из них обеспечили доступ вместе с нами. Прибыли.

С того момента я точно знаю, как выглядит дорога в Ад.

Быстро темнело. Фары машин освещали место падения. Дорога выглядела странно. Грязно-бурый оттенок матово поблескивал под светом. Трава, прилегающая к ней, была такого же цвета, и все вместе формировало ощущение затвердевшей магмы. Запах. Знакомый пожарным запах обожженной человеческой плоти смешивался с горелой травой,летней пылью и чадом от обшивки рухнувшего самолета.

– Андрей Юрьевич, осторожно! Тут скальпы...

Фото журналиста издания «Deutsche zeitung» на месте падения «Боинга» которым иллюстрировали свои сообщения многие западные издания. На фото премьер-министр Александр Бородай с охраной. Слева, в гражданском костюме – автор

Боец «лички» придержал меня за плечо. На земле действительно лежал человеческий скальп с волосами и частицами черепа. Рядом шел Бородай, бодро оглядывая окрестности. Позже я понял, что особенностью его характера как раз и является повышенная бодрость в экстремальных условиях. Защитный рефлекс.

Стали попадаться части человеческой плоти. Больше, меньше... Мы с Бородаем шли по адовой дороге. Метрах в ста от остановки машин увидели груды человеческих тел. Около тридцати. Почти все обнаженные. Среди них дети. Спецификой при взрыве самолета является то, что одежду на огромной скорости и под влиянием взрывной волны часто срывает. При этом, однако, оторванные и развороченные ноги и руки были в остатках одежды. Бывает, как в этом случае, что под давлением из тел выдавливает почти всю кровь, которая вместе с жидкостями самолета и пропитала дорогу.

Осмотрелись, поставили задачу прокуратуре, МЧС, ополченцам по охране места происшествия. На следующий день ДНР официально предложит Киеву перемирие в районе произошедшего для своевременного разбирательства в произошедшем. Украина ответит на это и попыткой наступления, и наращиванием обстрелов места падения.

Бородай дает интервью журналистам. По его окончании предлагает пообщаться с утвержденным сегодня министром госбезопасности ДНР. Несколько журналистов, в том числе иностранные, подходят ко мне. Камеры прорезают ночь, которая окончательно расплылась за это время.

Меня спрашивают, кто же сбил самолет. Я говорю факты, которые мне известны. Что всю предыдущую неделю официальные украинские представители истерили по поводу имеющейся у них информации о том, что российская авиация планирует их бомбить, и для этого, якобы, ополченцы запустили байку про наличие у них Су-25. Что в этой связи Украина стянула к линии фронта все имеющиеся у них средства ПВО. Что бардак в воинских формированиях Украины, при наличии нескольких параллельных центров управления – штаба АТО, штаба Вооруженных сил, штабов добровольческих формирований, – не позволяет им координировать свою деятельность на земле, что приводит к постоянному «дружественному огню». В небе она тем более конфликтна. Что не зря не было закрыто небо над Донбассом, хотя уже были падения и уничтожение авиации. Все понятно.

Одно из мест падения фрагментов «Боинга» и тел пассажиров

Сбор тел погибших при взрыве «Боинга»

Следующие несколько дней на месте собирают тела. Делать это будет МЧС. Олег Береза поручит Алексею Дикому²⁴ организовать оцепление, охрану и сбор тел. От этой работы не спавший несколько дней Дикий станет напоминать осоловевшую сомнамбулу.

Разброс тел был большим, что приводило к курьезным в своей трагичности ситуациям. Например, один из погибших упал на одиноко стоящий сельский дом, и, пробив крышу, рухнул в него, убив козу. Взрывом пассажиру оторвало голову и, как и многим, сорвало одежду. В итоге несчастная, одиноко проживающая старушка сутки просидела с голым безголовым трупом мужчины, ожидая, когда его заберут.

Возвращаемся. Не успел на совещание военного совета Стрелкова.

Военные советы и Стрелков

Кто ходит и почему не ходит на военные советы

Военный совет Стрелкова представлял собой собрание командиров ополченческих подразделений. Игорь Всеволодович стал проводить его с момента прибытия в Донецк, хотя, наверное, так же поступал и в Славянске. На него традиционно не являлись представители Игоря Безлера, на тот момент уже конфликтующие с министром обороны ДНР, руководители «Востока». Нерегулярно бывал командир от Захарченко. Сам Захарченко в них не участвовал, вынужденно и формально демонстрируя нейтралитет к Стрелкову. Делал он это по просьбе Бородея, который тогда имел на него большое влияние.

Подразделение Игоря Безлера.
«Бес» в центре, в голубом десантном берете

Иногда прибывали казаки. С казаками история у Стрелкова была отдельная. Он их откровенно не любил и каждый вечер это подчеркивал всевозможными презрительными замечаниями и словесными оскорблениями. Я старался быть каждый день за редкими исключениями в течение всего июля.

Позиция Ходаковского, Безлера, Захарченко и ряда других командиров, не желающих входить в подчинение Стрелкова, была проста и понятна. Ее озвучивали открыто. Суть сводилась к тому, что ДНР в тот момент находилась еще в том состоянии госстроительства, когда должность министра не предполагала автоматического административного подчинения. Мы только шаг за шагом шли к этому. Вопросы решали не формальные названия должностей, а реальный авторитет и военный потенциал.

В головах людей единая идеология сопротивления до конца еще оформлена не была, в отличие от ясного понимания личной базовой задачи защиты своей земли от врага и обороны мирного населения.

Кто-то грезил о присоединении всей Украины к России, кто-то – только о пророссийской «новороссийской» части из восьми украинских областей. Другие мечтали о «Новороссии» как о независимом государстве в виде «России версии 2.0» с исправленными общественно-социальными перекосами, а часть националистов-праворадикалов называли

«Новороссию» «русским национальным государством». Некоторые надеялись только на присоединение Донбасса. Очень многие ждали федерализации Украины, смены киевского руководства и создания единого евразийского пространства. Немало казаков надеялось на самостоятельную Область Войска Донского на территории Донбасса.

В общем, однообразие не было, хотя, конечно, доминировало желание единства с Россией в любом виде. При таком политическом мировоззрении восприятие роли ДНР и отношение к республике в то время, естественно, сильно отличалось и у многих было неоднозначным.

Сам Стрелков тоже не пытался быть полноценным министром ДНР. Не было аппарата министерства, он не старался выстраивать такую работу, считая, как и многие, что ДНР кончится через день-другой, превратившись во что-то иное. В этой ситуации он ограничивал себя лишь должностью командира ополчения, которая ему тогда нравилась больше.

Таким образом, он давал Ходаковскому, Захарченко и некоторым другим командирам еще больше поводов абстрагироваться от себя, так как при изначальном формировании воинских структур ДНР батальон «Восток» был обозначен госбезопасностью, а «Оплот» – структурой поддержания правопорядка. Естественно, это выделяло подразделения из системы ополчения.

Логичное по должности перемещение в Донецк Стрелкова первоначально тоже не манило. Ожидая ввода российских войск, он пытался осенить себя славой передового полководца. Когда окончательно стало ясно, что войск не будет и вместо блестящего лампасного мундира, сияющих наград и паркетных кабинетов предостоят тяжелые военные будни, он наконец-то двинулся в столицу по месту расположения Кабмина, захватив с собой для надежности и уверенности весь гарнизон.

Соответственно вся еще даже не ДНР, а Донецкая область, до оставления Славянска и других городов, оказалась разделенной на зоны ответственности, фактически превратившись в удельные княжества. Такая система позволяла в тот момент более гибко реагировать на ситуации, хотя потом мы проведем работу по жесткой централизации. Но это будет позже.

Тогда же эмпирическим путем были выстроены сферы ответственности. Игорь Безлер контролировал Горловку, Енакиево, ближнюю часть Макеевки и окрестности. Стрелков – Славянск и всю славянско-краматорскую агломерацию. И если Горловка и Славянск были быстро взяты под контроль ополчением, то с Донецком, в котором главным являлся Бородай, все было намного сложнее. Вместе с Макеевкой город насчитывал более полутора миллионов человек, его размеры, значимость и инфраструктура были принципиально иными. В непосредственный контроль Бородай как премьера входили и все населенные пункты за Донецком вплоть до границы (Торез, Зугрэс, Шахтерск, Харцызск и т. д.).

В дальнейшем своя вотчина появится и у Александра Ходаковского. К 18–20 августа 2014-го украинские войска вошли в Ясиноватую²⁵ и даже вывесили в центре украинский флаг. Упорными ожесточенными боями наши подразделения, в основе которых стоял «Восток», выбили 95-ю бригаду вооруженных сил Украины из города. С тех пор Ходаковский тоже получил свое княжество.

Текущая обстановка

В Донецке дислоцировался целый ряд разнообразных украинских воинских частей и силовых структур. Даже в Крыму при мощной военной поддержке понадобилось более трех недель, чтобы взять такие части под контроль. Здесь же не было крымских возможностей. Последние штурмы воинских подразделений прошли в Донецке только к концу июня 2014-го.

Базу военной части 3037 украинских нацгвардейцев Александр Ходаковский в последний раз попытается атаковать 29 июня 2014-го, что приведет к подрывам всего ее арсенала. Накануне была взята часть А1402.

Наиболее удачным в те дни в Донецке был штурм базы 3004 Нацгвардии на улице Щорса (конвойный батальон), которую отряд Александра Бородая совместно с подразделением «Кальмиус» под руководством Валентина Ивановича Мотузенко («Атаман Иваныч») штурмовал 26 июня 2014-го. Именно эта операция, в ходе которой было ранено пять ополченцев, позволила получить минимально достаточное для обороны города стрелковое вооружение, хотя оружия, конечно, не хватало. Бородай потом рассказывал мне, что хранил в те дни в своей комнате отдыха несколько подствольников к автоматам и в качестве особого поощрения выдавал их наиболее отличившимся. В дальнейшем в наградной иерархии их заменяют «стечкины»²⁶.

Попытку штурма УВД города Игорь Николаевич Безлер своими силами предпримет буквально перед нашим приездом, только значительно нарастив силы. До этого ресурсов у всех структур ДНР было очень мало.

То есть говорить об относительно полном контроле над Донецком можно было только со 2 июля 2014-го, когда завершились штурмы всех воинских частей и здания областного УВД. До этого группы ополченцев и провозглашенная народная власть в городе существовали фактически в окружении прокиевских вооруженных структур, которые не проявляли достаточной активности только из-за временной нерешительности отдельных командиров, массовой народной поддержки ополченцев и нарушения системы централизованного украинского управления.

Возможностей для того, чтобы сразу же сформировать свои административные органы, у ДНР не было. Самостоятельных ресурсов – тоже. Попытки назначить «народных управленцев» с треском провалились и привели к полному параличу на важных направлениях общественной жизни.

Городом продолжал управлять формально проукраинский мэр Лукьянченко, пользующийся у местных жителей поддержкой и уважением. Власть в Киеве его не особенно интересовала, он был полновластным хозяином своей территории, но не оказывал руководству ДНР никакого сопротивления, постоянно идя на необходимые уступки. Присутствие Лукьянченко было необходимо, потому что вплоть до того, как Стрелков вынудил его уехать, он ежемесячно умудрялся получать из бюджета Украины несколько миллионов долларов, которые уходили на пенсии, прочую социалку и нужды города.

Альтернативных каналов получения этих денег не было. Придя в Донецк, Стрелков выгонит Лукьянченко из города, естественно, потеряв возможность решать вопросы населения, а на его место предложит друга Павла Губарева, ретивого ополченца с очень характерным позывным «Паша Бешеный». Это приведет к временному нарушению управленческого процесса жизнеобеспечения города и, как следствие, к сбоям в ряде жизненно важных вопросов. Так, в начале августа возникла серьезная угроза того, что город останется без воды. Эта проблема с большим трудом была решена советником Бородая Леонидом Симуниным.

Стрелков же, оставив Славянскую агломерацию, первоначально попытается остановиться у Игоря Безлера в Горловке и Енакиево, но получит жесткий отпор. Фактически один из удельных князей, оставив и утерев свое царство, шел к другим. Большого восторга это не вызывало, как и не повышало авторитет у других командиров.

Логика была железная: если не смог удержать свое, почему я должен тебе отдавать мое?! Лишь авторитет Александра Бородая, которого местные воспринимали как арбитра в их взаимных разборках, а также российский имидж позволили Стрелкову после неудачного захода к «Бесу» относительно безболезненно осесть в Донецке и принять командование.

Серьезному обрушению авторитета Стрелкова способствовало также падение Мариуполя²⁷ в мае 2014-го. К моменту взятия «Азовом»²⁸ города 9–13 мая и трагических последствий с расстрелами ополченцев, мирных жителей и милиционеров Стрелков уже месяц удерживал Славянск. В то время он уже назвал себя командующим ополчением. Мариуполь контролировал небольшой гарнизон ополченцев в количестве порядка тридцати-сорока человек под руководством Андрея «Чечена» Борисенко. Не почувствовав поддержки от главного и наиболее организованного центра сопротивления, которым в то время являлся Славянск, город после штурма украинским «Азовом» был оставлен. При этом имелись серьезные признаки внутреннего предательства среди руководства дислоцированных в городе ополченцев.

Стрелков демонстрировал абсолютное равнодушие к обороне этого важнейшего портового узла, несмотря на то, что ширококомасштабные обстрелы Славянска начались уже после падения Мариуполя. Как с горечью говорил мне один из местных полевых командиров, он привел к Стрелкову 50 ополченцев и готов был отмотобилизовать еще до 500 с предложением направить их в Мариуполь, так как значительная часть из них были оттуда родом и хотели защищать свой город. Стрелков отказал им в оружии и поддержке, заявив, что оборона Славянска и Краматорска важнее, и приказал прибывшим остаться у него. Дополнительным нюансом здесь было то, что именно в бою с «Азовом» под Мариуполем в плен был взят предшественник Стрелкова на официальной должности, первый министр обороны ДНР Игорь Хакимянов²⁹, от участия в освобождении которого, в том числе и через обмен, Стрелков всячески уклонялся. Он будет возвращен в республику через короткое время после выезда Стрелкова из ДНР.

Таким образом, Стрелков сам разрушил восприятие себя как единого командира с безусловным правом всеобщего руководства, особенно оставив Славянск, Краматорск, Константиновку, Дружковку, не защитив Мариуполь. Для местных это будет означать, что так же легко он поступит и с контролируруемыми ими территориями. Как с трибуны заявил один из депутатов Верховного совета ДНР на одной из сессий в июле 2014-го: «Он не оправдал нашего доверия».

Особенно негативной позицией по отношению к Стрелкову выделялся Игорь Николаевич Безлер. Дело в том, что Горловка, будучи значительно крупнее и сложнее в обороне, чем Славянск, из-за отступления славянского гарнизона займет место последнего. На много будущих месяцев город окажется в кровавой осаде, от которой из Славянска бежал Стрелков. Однако «Бес» сумеет сохранить свой город и не отступит, сделав то, что не смог славянский беглец. Именно «Беса» Стрелков на закрытых совещаниях старших командиров будет обвинять в том, что он, оставив Славянск, не укрепился в Константиновке, Дружковке. По его словам, он был уверен, «что Бес ударит в спину». Естественно, все понимали абсурдность таких аргументов.

После того, как Александр Бородай заставил Стрелкова снять маску и выступить в первый раз на телевидении, было принято решение сделать его «лицом ополчения». По сути, он был промо-версией Эдуарда Басурина³⁰, то есть «говорящей головой». Идея была в том, чтобы создать флаг, который раскручивали бы через возможности Бородая и центральных телеканалов, им бы восхищались экзальтированные барышни, обыватели-патриоты, а под этим флагом скромно и эффективно делали свою работу другие люди. Но не учли личных патологий. В итоге флаг распушился, решил, что он сам себе режиссер, и пустился во все тяжкие, провалив свою главную задачу. С Басуриным учли ошибку, допущенную со Стрелковым, разведя медийную часть и функционал реального руководства.

Но вернемся к военному совету.

Начинались совещания в основном с распределения вооружения. Иногда этим и заканчивалось. Потом Стрелков на карте обрисовывал свое видение обстановки, ставил задачи, заслушивал командиров. По ходу делал флегматичные замечания о неизбежности нашего поражения, если не вмешается Россия. Но, по его мнению, это не препятствовало дальнейшей обороне. В целом совещания носили крайне пессимистичный характер с тяжелым депрессивным фоном.

Чаще других докладывал Царь, сменивший позывной с Коня³¹ (который был образован от фамилии). Он был одним из самых боеспособных руководителей стрелковской бригады. Впечатление производил абсолютно положительное. Маленький, скромный человек упрямо отстаивал интересы своего батальона и безропотно принимал приказы на участие в самых безнадежных задачах. Когда 30 июля мне по делам пришлось выехать в Россию, то именно Царя вместе с Захарченко я встретил в Шахтерске. Прямо перед нами противник завершал окружение, приходилось прорываться с боем.

Пожав ему и Захарченко руки, я ничего другого не нашел, как сказать: «Держитесь! Через неделю увидимся». На что Царь с обреченным фатализмом ответил: «Ого! Неделя... Мы тут жизнь минутами меряем...»

Преодолеть деструктив

Ближе ко второй половине июля разочарованные оставлением Славянска и ряда населенных пунктов ДНР отдельные подразделения стрелковской бригады кочевали между различными формированиями. Кто-то ушел в «Восток» Ходаковского, кто-то к Безлеру в Горловку, Енакиево или Макеевку. Оттуда, в свою очередь, тоже переходили группы. Даже в МГБ ДНР на службу было принято значительное количество вышедших из Славянска. Первоначально им негде было разместиться, и я разрешил пока спать во временно пустующих помещениях УВД, что, влияло на порядок служебной деятельности, но в тех экстремальных условиях людям элементарно нужно было выживать.

Да и в целом количество беженцев, особенно после оставления славянско-краматорской агломерации, резко выросло. К ним добавлялись бежавшие из пророссийских регионов Украины, которые оставили свои дома после столкновений с новой киевской властью и ее экстремистскими сторонниками. Им было очень нелегко.

Степень хаоса в ополчении повышалась. Начинало падать количество ополченцев, желающих воевать на фронте, предпочитая находиться в тылу. Прибывающие из России добровольцы часто бросались с дороги в бой, без четкого боевого слаживания. Из-за отсутствия полноценного штаба управляемость подразделений сводилась к рукописным запискам, которые писал Стрелков, и уже упоминавшимся Советам командиров. Происходившее развивалось на фоне постепенного роста боеготовности украинских войск. Если изначально ВСУ, то есть украинская армия, за отдельными исключениями, часто уклонялась от прямых боев, наблюдая за людоедской активностью формируемых олигархами частных армий – «добровольческих» националистических батальонов, то после оставления Славянска ситуация стала меняться. Противник поверил, что может побеждать, убедился, что российская армия не вмешивается в происходящее, что резко повысило его активность, относительную слаженность, агрессивность и готовность к противостоянию.

Бородай с Антюфеевым, не будучи способными справиться с приступами отчаянья и хандры Стрелкова, начали формировать параллельный штаб управления войсками. Все больше подразделений, даже получая прямые команды от Стрелкова, обращались туда за подтверждениями и более точными командами.

Чтобы хоть как-то отвлечь своего друга, Бородай даже организовал ему свидание со своей подчиненной Мирославой Регинской, входящей в аппарат премьера и в качестве сек-

ретарши закрепленной за помощником по информационной работе Сергеем Кавтарадзе. Но свидания первоначально пройдут не вполне удачно и будут сопровождаться личностными недоразумениями. В итоге Регинская уедет из Донецка, что еще более повысит депрессию Стрелкова. Их отношения возобновятся только после его отъезда из ДНР.

С приходом Стрелкова в Донецк жизнь города круто изменилась. Война подошла к нему вплотную. С точки зрения правопорядка ситуация тоже резко осложнилась. Более 4 тысяч человек, которых с собой привел Стрелков, были размещены в черте города, в общежитиях вузов, гостиницах. Люди по улицам передвигались с оружием. Возникали конфликты, перестрелки. Командиры стрелковских подразделений под свои штабы стали захватывать офисы. Шикарно разместился Хмурый – его новая штаб-квартира была в офисе донецкого губернатора от Украины, олигарха Таруты, апартаменты – в комплексе зданий другого местного олигарха. Другие тоже не отставали.

В только создаваемые МГБ и МВД посыпались заявления и сообщения об отнятом автотранспорте, преступлениях против населения. В обиход прочно вошло слово «отжим».

Я и министр внутренних дел Олег Береза регулярно обращались по таким вопросам Стрелкову. Он руководил самым крупным формированием, считаясь равным нам по должности министром обороны. Поэтому для внутренней стабильности должен был оказать содействие в поддержании порядка. Позиция Стрелкова меня удивила.

...Мы с Березой через заслон из мешков с песком проходим в узкий коридор технического здания СБУ. Большой кабинет с шкафами коммутаторов, в котором Стрелков проводит совет командиров, находится справа по коридору. На два помещения ближе к выходу, слева по коридору, – его личный кабинет. Ординарец у выставленного в середину коридора стола, к которому примыкает горка из ящиков-«цинков», предлагает сдать оружие. Я отвечаю, что оружия нет. Пистолет лежит в портфеле, но оставлять его не вижу смысла.

Заходим в кабинет слева. Стрелков у карты. Корпус тела напряжен, в глазах отстраненное стеклянное отчаянье. Он уже долгое время пребывает в состоянии стресса. Это вызывает жалость и сочувствие. Обсуждая ситуацию на досуге, мы с Олегом говорим друг другу, что не хотели бы оказаться на его месте и не готовы осудить уход из Славянска. Потому что напряжение, испытываемое этим человеком, огромно. Ситуации, в которых кадровый военный чувствует себя уверенно, его, по сути, полугражданского энтузиаста, пугают и изматывают.

Стрелков по своей инициативе рассказывает, как ему видится положение на фронте. Положение, надо сказать, выглядит очень мрачным. Он опять говорит, что без ввода войск ситуация продержится не более недели-двух. Рассуждает о целесообразности перемещения органов управления в Снежное³².

Министр обороны Игорь Стрелков в один из приступов отчаянья

(Позже, в одном из своих первых последонбасских интервью, сам Стрелков так будет говорить о своей попытке оставить Донецк:

Александр ПРОХАНОВ. Были в этой критической обстановке намерения и из Донецка уйти, силы-то неравные были опять?

Игорь СТРЕЛКОВ. Меня же обвиняют, что я хотел оставить Донецк. Рассказываю честно: в какой-то момент я перестал верить, что помощь из России вообще придет. Просто перестал верить! И никто не мог мне это гарантировать...

...В момент, когда противник перерезал дорогу между Шахтерском и Торезом, у меня наступил психологический кризис, я начал думать о том, что делать, подумывал переносить штаб в Шахтерск или Снежное и готовить эвакуацию Донецка. Потому что понимал: если помощи не будет, то надо хотя бы спасти людей...

...Почему говорю, что перелом был? Потому что в тот момент я приказал готовить штаб к свертыванию, всем штабникам грузиться. Люди не обсуждали мои приказы, потому что мне верили. И сам я выехал в Шахтерск вперед...

...Это я ответил на вопрос, был ли план сдачи Донецка. Был план не сдачи Донецка, а намерение, как вариант, оставления Донецка с целью вывода и спасения людей, сил и средств³³.)

В ответ мы предлагаем обсудить внутренние проблемы. Олег зачитывает информацию о ряде фактов «отжимов» и других преступлений. Различными командирами Стрелкова и им самим постоянно выписываются «предписания» на так называемые «временные изъятия в интересах фронта».

– Игорь Иванович! Наша борьба строится на людях, мы не должны превращаться в мародеров по отношению к тем, кто нас поддерживает. Нужно срочно сформировать межведомственные патрули, создать совместный штаб по немедленному реагированию на преступления. Нужно навести порядок в местах проживания ополченцев и упорядочить их передвижение по городу с оружием.

– Да я согласен, что это нужно. Но не сейчас. Ситуация держится на соплях! Если люди что-то и берут, то имеют на это право. Потому что предыдущие хозяева предали свой дом,

сбежав, а бойцы рискуют жизнью. Сегодня взяли, завтра их убьют! И в целом, если я начну разборки, то моих приказов не будут слушать. Да и невозможно обойтись без реквизиций, транспорта не хватает, и людям нужно где-то жить.

На самом деле к преступлениям чаще всего были причастны тыловые и обозные подразделения, которых в войнстве Стрелкова было слишком много. Игорю Всеволодовичу нравилась свита. Некоторые его штабные клеветы стали устраивать охоту на журналистов, представителей иностранных миссий и «прочих шпионов», из-за чего мне регулярно приходилось разрешать возникающие проблемы. Делали они это коряво, непрофессионально и бессмысленно. В это же время мародеры организовывали показательные поиски мародеров. Ситуация часто выходила за рамки логики и здравого смысла.

Я сначала не мог понять, почему ряд полубандитских, не желающих воевать групп и командиров демонстрируют лояльность Стрелкову. Потом разобрался. Он многого не требовал от них. Показной нарочитой преданности на словах, и не более. За это он дарил им своеобразную «крышу». Такая картина наблюдалась на фоне самоотверженной и жертвенной борьбы основной массы рядовых ополченцев, совершающих свой абсолютно бескорыстный подвиг на передовой. И, наверное, хорошо, что тогда бойцы и их командиры на передовой не знали, как чудит их командующий и его близкий круг.

Совещание военного штаба ДНР. Проводит премьер-министр Александр Бородай. Рядом министр обороны Игорь Гиркин и заместитель министра внутренних дел, руководитель движения «Оплот Донбасса» Александр Захарченко

Стрелков был крайне внушаемым своим окружением. В двадцатых числах июля он бодро сообщил на совещании, что накануне перерезания противником дороги в Россию удалось эвакуировать 147 раненых на 145 автомобилях. Когда я задал вопрос, откуда взялись эти автомобили и не смущает ли его соотношение цифр, в ответ не услышал ничего.

Война интересовала Стрелкова все меньше. В моем присутствии он несколько раз упрекал Бородаю тем, что когда-то Александр Юрьевич пообещал ему «военную диктатуру». На резонные ответы, что сейчас ситуация изменилась и для того, чтобы стать «военным диктатором», нужно обеспечить хоть какую-то стабильность и хотя бы возвращение оставленных территорий, «военный диктатор» реагировал очень болезненно.

В этом смысле показательным является один из перехваченных и опубликованных СБУ в те дни телефонных разговоров Андрея Пургина с Денисом Пушилиным, в котором тогдашний первый вице-премьер достаточно емко характеризовал обстановку:

«Пушилин: Ты со Стрелком общался уже?

Пургин: Та так, чуть-чуть... Ну да, каждый день по чуть-чуть...

Пушилин: Находите понимание, нет?

Пургин: Нет, честно говоря... Да он немножко как бы... (нецензурно) полковник. Давай откровенно. Люди, которые с ним приехали, – низкого качества. Его понятия о войне в городе, в конгломерации на полтора миллиона человек... Когда он вызывает на разборки мэра города и говорит: „Давайте останавливать общественный транспорт и взрывать девятиэтажки на окраинах города“... Он полностью дестабилизировал и сорвал работу всех торговых сетей! Все, мы в голод входим, потому что мы не смогли убедить Стрелкова хоть что-то пропускать... Он уголь не пропускает... у нас шахты останавливаются! Он воюет... (нецензурно – хорошо), но, понимаешь, врагов погибнет меньше намного, чем мирного населения, которое он освобождает!

Александр Бородай диктует Игорю Стрелкову текст служебного документа

Пушилин: Я понял...

Пургин: Он занимается абсолютно не своими делами. Сидит там по десять часов, принимает каких-то идиотов в приемной. Вообще не пойми чем. За банки какие-то меня спрашивает... Я его спрашиваю: „Слушайте, может, вы воевать начнете?.. Зачем вам банками заниматься? Зачем вам разбирать корпоративные конфликты какие-то?“

Пушилин: Ну да.

Пургин: Вы призовите свою братву к порядку, чтоб херней не страдали! Весь город „отжимается“, понимаешь?! Пачками, валом! Они приезжают, им же не нужно никаких бумажек, они же со Славянска! Они просто грабят город! Я ему пытаюсь сказать: „Давайте этим займемся! Зачем вам эти вкладчики?! Двести человек в день вы слушаете! Зачем вам это надо?!“. То, что он „талантливый полководец“, хм... Он угробит миллионный город, чтобы убить десять тысяч укров...»³⁴

Вокруг Стрелкова образовался близкий круг, от которого он очень зависел. От некоторых из них он даже пытался избавиться, но, будучи крайне падким на лесть, оказывался в ловушке славословий. Особенно ярко в этом смысле вела себя его заместитель по материально-техническому обеспечению Виктория Кривоносова.

У Стрелкова даже несколько обострились отношения из-за нее с другим замом, Сергеем «Хмурым», который на основе компромат-материалов, документы по которым, с его слов, он доложил Стрелкову, настаивал на аресте по обвинениям в финансово-материальной нечистоплотности. Стрелков пытался это сделать, но «Вика-Вика» с порога начинала клясться в личной преданности и восхищении величием министра обороны, чем полностью закрывала все претензии к себе.

– Вызвать ко мне Вику-Вику.

– Есть, Игорь Иванович!

В кабинет вкатывается Вика-Вика.

– Игорь Иванович! Как я от них устала! Они все просто дебилы! Почему нет хотя бы еще кого-то хоть немного на вас похожего! Или трусят, или болтают, или подворовывают и отжимают! Если бы не вы, я вообще бы не верила, что остались офицеры чести! Почему они не равняются на вас?! Я так благодарна судьбе за встречу с вами! Теперь я знаю, за что готова отдать жизнь! Поверьте, нет у вас преданнее человека!

– Ну ладно... Наведите у себя там порядок... идите...

История с Викой-Викой будет иметь продолжение. Когда в августе окончательно созреет решение о том, что Стрелков не способен больше руководить войсками, и он будет отправлен в Россию, именно задержание Вики-Вики станет тем катализатором, который жестко обострит его отношения со всем руководством ДНР и Александром Бородаем. Лишившись своего главного льстеца, Стрелков впадет в неистовство и начнет требовать ее освобождения, угрожая тем, что иначе не покинет республику. Конечно, своего добиться он не сможет, но чашу его обид на мир это переполнит.

Ну а пока приходилось устанавливать контакты с командирами среднего звена и совместно с ними постепенно начинать наводить порядок.

Обзор Стрелкова

Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно
Нам чувство дико и смешно...³⁵

Наблюдая Стрелкова, я старался для себя определить суть его внутреннего мира, так влияющего на его поступки. Это понимание было важным для практического анализа потенциала и прогноза дальнейших действий, от которых в тот момент зависело многое.

Лично я давно уже в подобных обстоятельствах старался классифицировать людей по удобной и практичной для неспециалиста методике российского практикующего психолога Виктора Пономаренко «Семь радикалов»³⁶ (так называемая «Методика визуального распознавания характера и управления поведением»). Суть ее сводится к выведению на основании анализа главных качеств и черт (радикалов) характера, которые в своем взаимодействии формируют индивидуальный профиль.

Пономаренко выделял эти качества по аналогии с терминологией психиатрических болезней, которые характеризуют черты до патологических обострений, так как душевная болезнь не создает какой-то новый, а лишь видоизменяет прежний характер, присущий человеку, когда он еще был здоров. Семь основных радикалов – это истероидный, эпилептоидный, паранойяльный, эмотивный, шизоидный, гипертимный и тревожный. Суффикс «-ид» в данных случаях в переводе с греческого означает «подобие». Дальнейшие выводы были сделаны на основании работ этого специалиста.

И эти выводы в отношении Стрелкова были пессимистичными.

Личностным базовым радикалом у Стрелкова ярко выделялась смесь паранойяльного и шизоидного типажа как магистральных, плюс истероидного как дополнительного.

Как известно, параноики характеризуются строго определенным образом. Исходя из общих признаков такого радикала, его носитель часто обладает яркими лидерскими качествами. Всем стилям предпочитает классический. Главная причина – классический стиль отражает безусловный приоритет общественных целей и ценностей над индивидуальными. Он символизирует уверенную, консолидированную силу общества и, соответственно, готовность служить его интересам. Но только в понимании самого изучаемого. Он – трудяга, влюбленный в свою работу. Поэтому все, что его окружает, носит на себе отпечаток основной деятельности, выбранной им цели. Параноик работает везде, где он находится.

И.Стрелков

Паранойяльная тенденция в характере – это целеустремленность, настойчивость, уверенность в себе, высокая работоспособность, упорство в преодолении препятствий, лидерство, то есть объективная потребность в помощниках, обусловленная масштабностью замыслов.

Однако же знаменитое паранойяльное упорство, уверенность в собственной – и только собственной! – правоте оборачивается упрямством, нежеланием и неспособностью услышать своего оппонента, воспринять иную, зачастую более рациональную точку зрения. В центре мировосприятия и целеполагания лежит заботливое пестование своего эгоцентризма. Есть волнующее эго и ничтожный, несовершенный, порочный и требующий срочных изменений по его правилам мир. Ни в грош не ставя чужие идеи, собственным, пусть и украденным у других, параноики придают главенствующее значение. Однобокость восприятия мира является оборотной стороной этого качества. Однобокость и упрощенность. Поскольку нельзя захватить сознание масс идеями, не упростив ее до понятного всем и каждому лозунга. А упрощение идей извращает их истинный, первоначальный смысл. Параноик на самом деле довольно примитивен.

Паранойяльная преданность идее – это следствие тревоги, которая присутствует в нервной системе и является порождением органических изменений, ослабляющих ее. Обычный параноик боится отклониться от избранного пути, держится за идею, как за поручень.

При этом люди, несмотря на любую используемую риторику, к окружающим относятся исключительно как к топливу для удовлетворения амбиций.

Здесь для меня важно было учитывать особенности общения с такой категорией. В целом, грубой коммуникативной ошибкой в отношении параноика является попытка его переубедить своими аргументами. Любые доводы и убеждения для параноика не имеют никакого веса.

Однако ряд дополнительных признаков все же отличал Стрелкова от классического, «чистого» параноика. К его изначальной патологии добавлялись и другие. И тут проявлялся уже следующий, тоже очень важный радикал Стрелкова, который в совокупности формировал его индивидуальность.

Это шизоидность. С учетом того, что есть фактические и биографические основания полагать шизофрению не пограничным, а вполне патологическим состоянием Игоря Всеволодовича, то значение этого признака трудно переоценить. Именно он формировал болезненно-нелинейный налет его поступков.

Шизоиды отличаются от всех остальных (нешизоидов, людей с ортодоксальным мышлением) тем, что понятия о предметах окружающего мира у них формируются на основе не только главных, но и второ-, третье- и десятистепенных по значимости качеств. Шизоиды легко создают понятия даже на основе вымышленных, предполагаемых свойств, подчас игнорируя при этом очевидные, реальные. И главные, и малозначительные, и реальные, и иллюзорные качества явлений могут с одинаковой вероятностью занять в сознании шизоида место основного, принципиально важного. У шизоида для каждого предмета припасено несколько равновеликих по значению понятий.

Спецификой коммуникации с таким типом являются рекомендации устанавливать с ними формально-доброжелательные отношения, держась на дистанции, не пытаясь без нужды проникнуть в темные глубины этой своеобразной души. Во-вторых, быть готовым к отсутствию результатов нормальной адекватной реакции на доводы и обоснованную аргументацию. В-третьих, в случаях сближения с пациентом, ожидать негативных последствий этого. Эта черта, как и паранойяльность, формирует отсутствие навыков «быть благодарным» с извилистой системой самооправданий на этот счет. Например, Александр Бородай, всю жизнь снабжавший Стрелкова деньгами, помогавший его семье, устроивший после бесславного увольнения со службы на высокооплачиваемую работу, продвинувший сначала в Крым, а потом в Донбасс, ощутил это в полной мере.

Ну и следующий радикал, который помог Стрелкову столь легко принять «мирскую славу», – истероидность. Эта тенденция заключалась в создании и презентации широкой общественности модели мира, в которой центральное место занимает собственное «Я». Но, в отличие от паранойяльности, здесь важно не признание продвигаемой им «сверхидеи», а просто оценка его самого. Таким образом, сразу два качества так сильно толкали Стрелкова к жажде славы. И в дальнейшем мы увидим, что одной из главных претензий к российской власти у Стрелкова будет то, что ему ограничивают доступ к СМИ, где он, с одной стороны, смог бы озарить светом только ему одному ведомой истины благодарное человечество (при том что в озвучиваемом Стрелковым никогда не было ничего самостоятельного), а с другой – получить заслуженные лавры.

И если шизоидность заставляла писать Стрелкова нудные и банальные сказки³⁷, то именно истероидность формировала его склонность к реконструкторству. Потому что, в отличие от многих тех, кто через реконструкторство решает исторические, культурные и прочие общественные задачи, Стрелков увлекался этим исключительно с целью красиво и

торжественно смотреться в тех или иных нарядах и соответствующей атмосфере. И когда такую возможность дало его недолгое пребывание в Донбассе, реконструкторство было забыто.

В основе истероидности лежит слабая нервная система. В нейрофизиологии силу/слабость нервной системы принято оценивать по ее способности (или неспособности) длительно выдерживать процесс возбуждения. Таким образом, одним из ведущих внутренних условий истероидного радикала является неспособность нервной системы выдерживать возбуждение относительно долго. На поведенческом уровне это означает прерывистую, нестабильную работоспособность, повышенную истощаемость энергетического потенциала. Именно эти качества не позволили Стрелкову сначала долго переносить «славянское сидение», потом накал донецкой неопределенности, а событиями ранее – обеспечить системность действий в Крыму и терпеливость при принятии решения о заходе в Славянск.

Истероидам, с их глубоким эгоизмом, эгоцентризмом, люди важны только как публика, внимающая и восхищающаяся ими. Они не настроены никого понимать, никому не сочувствуют, умеют лишь имитировать психологическое состояние собеседника, по типу «зеркального отражения», и не более.

Присутствие истероидной тенденции всегда сказывается на отношении объекта к результатам собственных усилий: он склонен преувеличивать успехи, игнорировать неудачи. С одной стороны, вера в свою непогрешимость, в «путеводную звезду», безусловно, помогает в преодолении трудностей, с другой – добавляет самоуверенности и окончательно хоронит потребность в чужих советах, в работе над ошибками и признании их. Поэтому некоторые преходящие сомнения о себе любимом формировал у Стрелкова иногда лишь шизоидный радикал.

В характере объекта сквозил очевидный эгоцентризм, желание получить высокую оценку своих заслуг (со склонностью приписывать заслуги коллектива одному себе). В голову таких типажей всегда приходят мысли о собственной исключительности, особой миссии, общественно-историческом значении. Обостряется честолюбие и стремление к карьерному росту.

Все указанные личностные характеристики индивидуального психологического профиля жестко цементировались у фигуранта явным диссоциальным расстройством личности (или социопатией). Современная психиатрическая наука определяет социопатию как грубое несоответствие между поведением и господствующими социальными нормами, характеризующееся следующими признаками (для диагноза врачу-психиатру достаточно совпадения трех и более критериев):

- а) равнодушие к чувствам других;
- б) грубая и стойкая позиция безответственности и пренебрежения социальными правилами и обязанностями;
- в) неспособность поддерживать взаимоотношения при отсутствии затруднений в их становлении;
- г) крайне низкая способность выдерживать фрустрацию, а также низкий порог разряда агрессии, включая насилие;
- д) неспособность испытывать чувство вины и извлекать пользу из жизненного опыта, особенно наказания;
- е) выраженная склонность обвинять окружающих или выдвигать благовидные объяснения своему поведению, приводящему субъекта к конфликту с обществом.

В качестве дополнительного признака может иметь место постоянная раздражительность. В детском и подростковом возрасте подтверждением диагноза может служить расстройство поведения, что, по отзывам близко знающих Стрелкова людей, имело место.

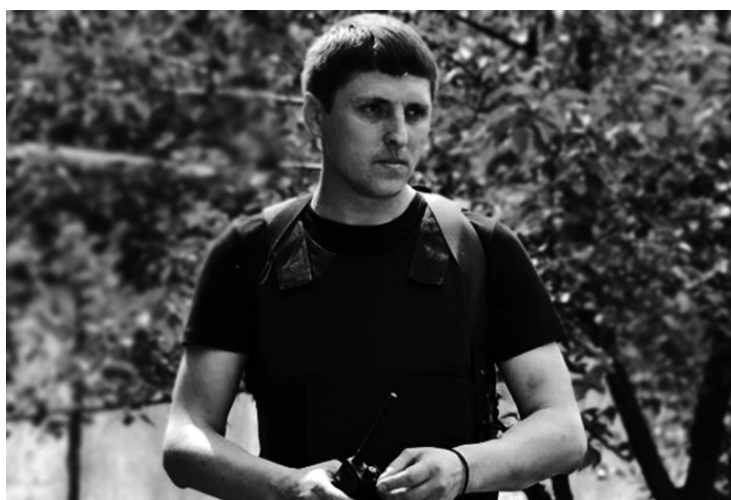
В международной медицинской практике, кроме общих критериев расстройства личности, необходимо наличие трех или более из нижеперечисленных пунктов:

1. Неспособность соответствовать социальным нормам, уважать законы.
2. Лицемерие, проявляющееся в частой лжи, использовании псевдонимов или обмане окружающих с целью извлечения выгоды.
3. Импульсивность.
4. Раздражительность и агрессивность.
5. Рискованность без учета безопасности для себя и окружающих.
6. Последовательная безответственность, проявляющаяся в повторяющейся неспособности выдерживать определенный режим работы или выполнять финансовые обязательства.
7. Отсутствие сожалений, проявляющееся в рационализации или безразличном отношении к причинению вреда другим, дурного обращения с другими или воровства у других людей³⁸.

Достаточная совокупность указанных признаков у Стрелкова наблюдениями диагностировалась однозначно.

В общем, это был один из почти классических типажей жителя большого города из интеллигентной семьи, в детстве слабого и нелюбимого, живущего в выдуманном им иллюзорном мире, много лет копящего обиды на задевающих его и откладывающего месть до удобной возможности со словами «я вам еще покажу, вы меня еще узнаете», замкнутого фантазера и эмоционально ущербного типа. Всю жизнь пытающегося выйти за рамки своей серости, прыгнуть выше головы изначальных стандартных личных качеств под влиянием болезненных черт. Были признаки того, что в детстве Стрелков перенес серьезную психологическую травму. В итоге человек возвел свои патологии в категорию индивидуальности.

Таким образом, в сухом остатке мы имели клиента, неспособного к критическому самоанализу, гипертрофирующего собственное предназначение и миссию, но не способного переносить длительные психологические нагрузки, увлеченного самопрезентацией и воспринимающего окружающий мир как место постоянного конфликта между ним и сложившейся системой. Все это приходилось учитывать в организации взаимодействия со Стрелковым.

Леонид Баранов, руководитель Спецкомитета ДНР
(июнь 2014 г.)

Решаю кадры

Кадровая среда

При формировании ведомства, как, в общем-то, и везде, ключевым вопросом является кадровая работа. Но из кого набрать сотрудников? К моменту моего приезда в ДНР все детские мечты об играх в разведчиков, про участие госбезопасности в реализации своих идеалов и комплексов, все просмотренные фильмы про таинственных шпионов и «Идентификацию Борна» уже были реализованы. Где-то были созданы НКВД, Особые отделы, военные разведки, специальные разведки, военные контрразведки, невоенные контрразведки, прочие контрразведки.

Венчал это безумие устрашающих вывесок, слабо связанных с содержанием, Спецкомитет под руководством местного активиста Леонида Баранова. Сразу же после моего прибытия Бородай вызвал Александра Захарченко и Леонида Баранова. Захарченко вместе с «Оплотом» он подчинил МВД и непосредственно Березе, выведя «Оплот» при этом в свой личный резерв. С того времени и вплоть до назначения Премьером Александр Захарченко являлся заместителем министра внутренних дел ДНР, а «Оплот» значился основой внутренних войск. По представлению Олега Березы Кабмином Александру Захарченко было присвоено звание «майор».

Я же принял под командование Спецкомитет. Толку от этого подразделения было немного, так как ребята в основном занимались полицейскими и комендатурными функциями. В Макеевке оборудовали своеобразный изолятор, туда помещали нарушителей, поддерживали порядок, иногда «кошмарили» противника.

На самом деле хорошие и в основной своей массе наивные ребята, которые обвешались устрашающими вывесками, занимались чем угодно, но только не традиционной работой госбезопасности. Революционный костер манил самых разных мотыльков. В лучшем случае ловили наркоторговцев или тех, кого они ими считали, в худшем... Были и худшие. Я вывел их всех за штат и назначил переаттестацию.

Бывали и такие, как очередной Батя (Бать в Донецке было больше, чем в приемном отделении краснодарского роддома). Разбирая завалы местных разведок и контрразведок, я столкнулся с группой ополченцев человек в сто, которая дислоцировалась на территории недалеко от аэропорта. Состояла в основном из россиян-добровольцев. Их командир, представившись Батей, сурово заявил, что они – спецназ госбезопасности. Тогда, особо не церемонясь, я потребовал объективки по личному составу, а также доклад по участию в событиях и боевых действиях, оценку оперативной обстановки и предложения по боевому применению. В итоге смущающийся Батя признался, что нигде они не воевали, а вместе держатся, потому что их с детства неизъяснимо тянет к магическому слову «госбезопасность». Люди в интересах МГБ были совершенно бесполезны. И это был еще не худший вариант из встречающихся.

Первоначальный костяк МГБ ДНР составили сотрудники Спецкомитета и ветераны СБУ, СВРУ³⁹, уволившиеся задолго до начала событий. Других просто не было. Это потом, осознав, что ситуация с ДНР надолго, потянулись сотрудники украинских спецслужб. Искать работников приходилось везде, иногда лишь обозначая одним-двумя отдельными направлениями, идя на серьезные компромиссы и держа в уме необходимость скорых замен при любой ближайшей перспективе. Некоторых, очевидно непригодных, я был вынужден сохра-

нять на короткий период, чтобы было кому выполнять элементарные поручения. Работу нужно было запускать с колес и уже по ходу проводить постоянные селекции и чистки.

Оценка обстановки диктовала четкие приоритеты строительства и текущей деятельности ведомства. Было необходимо набрать минимально необходимых по количеству и качеству сотрудников. Одновременно аккуратно распустить и рассредоточить по другим ведомствам совсем уж неподходящих. После этого наработать необходимую материальную базу, отструктурироваться и с колес организовать работу по приоритетным направлениям, которыми были: военная и территориальная контрразведка; участие в борьбе с мародерством, незаконными формированиями; противодействие диверсионно-разведывательной и террористической деятельности; разведка; защита секретов. Остальные направления я начинал обеспечивать уже по ходу строительства ведомства.

С технологической точки зрения мне было очевидно, как эти вопросы решаются. Вся актуальная общественная жизнь государства разбивается на блоки, состоящие из «линий» и «объектов». Линиями являются сферы – идеология, экономика, культура, религия, преступность, коррупция и прочее. Объекты – это конкретные учреждения. Предприятия, госведомства, органы управления, политические и общественные организации, военные органы и формирования и т. д. Под структуру общества формируется структура госбезопасности, сотрудники которой закрепляются за линиями и объектами. На это накладывается режимная и оперативная работа по защите госсекретов, система разведки, контрразведки и борьба с терроризмом. Далее – внедрение форм, методов, нормативов, инструментов, матбазы и практики.

Каждое направление требовало кропотливых и нестандартных решений. Например, осенью 2014-го на должность одного из моих заместителей был принят пенсионер, ветеран военной контрразведки в старшем офицерском звании. За плечами имелся долгий и насыщенный профессиональный стаж. Естественно, с учетом опыта и обстановки, главным приоритетом его служебной деятельности я определил формирование полноценной структуры военной контрразведки. В условиях войны система органов безопасности в войсках является одним из главных инструментов защиты государства. Ее значение невозможно переоценить – это и фильтрационная работа в отношении пленных с обеих сторон, и защита военных секретов, поиск агентуры противника в армейской среде и противодействие вражеской активности, и борьба с мародерством, незаконными вооруженными формированиями, различными злоупотреблениями, нарушениями и преступлениями в вооруженных силах.

Однако, в отличие от других направлений деятельности, у меня к тому времени не было ни одного, ни бывшего, ни действующего, сотрудника местной военной контрразведки, ни ветерана, ни юнца-опера без стажа. Сбежали все, и обратно не торопились.

Сначала я попытался выбрать из среды ополченцев несколько активных и инициативных энтузиастов с опытом работы в правоохранительных структурах, пользующихся авторитетом в ополчении. Однако без специфических теоретических знаний, понимания элементарных основ работы, отсутствия практики деятельности эти ребята, неумело пользуясь немалыми полномочиями, которые предоставляла служба, на основе слухов, сплетен, личных симпатий и антипатий превращали работу в полнейшую профанацию.

У моего нового заместителя имелась своя оригинальная концепция служебной деятельности, в эффективности которой он был уверен. Каждому из командиров наиболее крупных подразделений он предложил выделить по два бойца, в которых тот не сомневался, и направить их для прохождения службы в МГБ. Эти военнослужащие закреплялись за своими бывшими подразделениями и под руководством опытного начальника организовывали контрразведывательное обеспечение своих бывших частей. Это, по его мнению, снимало

настороженность и недоверие командира, давало возможность на первом этапе запустить службу, которую можно было бы трансформировать в дальнейшем.

Интересная и, казалось бы, перспективная идея на поверку оказалась полной ерундой. Командиры либо просто не хотели выделять своих, уклоняясь от этого под всякими отговорками, либо выделяли самых доверенных, как это сделал Александр Ходаковский, и те лишь приобрели дополнительный статус под эгидой МГБ, но по факту подчинялись только одному командиру и выполняли исключительно его приказы, утаивая от МГБ реальные процессы. Либо, чтобы отделаться и саботировать, выделяли абсолютно профнепригодных персонажей. К тому времени все крупные подразделения обзавелись собственными оперативными структурами, называемыми спецотделами, контрразведками и прочим, и не видели причины раскрывать свои тайны перед руководимым мною ведомством.

В итоге спустя два месяца зам, потупив свою седовласую голову, честно сказал мне, что провалил работу по линии военной контрразведки. Толковых людей найти не смог, несколько статистов, которых я сам назначил на это направление, были не способны к профессиональной деятельности, а его концепция оказалась фикцией.

Тогда я взялся за эту проблему. Убедил одного из энергичных бывших старших офицеров военной контрразведки СБУ, который до войны обеспечивал безопасность одного из крупных местных предприятий и во время Майдана выехал в Крым, поступить на службу и занять должность заместителя начальника подразделения военной контрразведки МГБ при вакантной должности начальника. Потом вместе с ним мы подобрали людей со значительным опытом организационной и агентурно-оперативной милицейской или военной службы и за три недели запустили это важное направление, нарастив ему материальную и нормативную базу. Естественно, часть набранных почти сразу стала отсортировываться, но основной костяк оказался вполне эффективен и, благодаря энергии и инициативе нового начальника, хорошо знающего местную специфику, быстро сорганизовался в единую систему. Таким образом, и эта задача и была решена.

Здесь важно вот что. Можно сколько угодно рассуждать о том, как должно быть в теории. Практика всегда отличается. И лучше запустить несовершенный процесс, исправляя его в движении, чем без толку топтаться на месте, рассуждая о том, как быть должно, при этом ничего не делая. Сколько ни умножай на ноль, его в итоге и получишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.